

К юбилею мастера

5 февраля заслуженному художнику России Геннадию Федоровичу Борунову исполнилось бы 90 лет. Его имя носит Павловский историко-художественный музей, а несколько лет назад в день его рождения стали проводить Боруновские чтения, в этом году они состоятся уже в седьмой раз. На них земляки вспоминают о встречах с мастером и его творчестве. Много воспоминаний о Павловске, своей жизни, творчестве написаны Геннадием Федоровичем в книге «Земля, где я родился» десять лет назад. Однако некоторые рассказы не вошли в нее. «Путешествие в Новосибирск с Мишей Абиковым» - как раз из неопубликованного.



Путешествие в Новосибирск с Мишей Абиковым

Удивительная и драматическая история приключилась зимой 1944 года со мной и моим школьным другом Мишей Абиковым.

Далеко на Западе шла война. У нас здесь, в Сибири, все было поставлено на военный лад. «Хлеб фронту» - был главный и непререкаемый лозунг. И женщины, и старые, и малые на полях растили хлеб, убирали его, сдавали государству, и в наши школьные годы никто из нас не хныкал...

Дома дел тоже было разных. Летом - заготовка корма для коровы, у кого она была, зимой - дрова и сучки, иногда выписывали сосну.

Однажды, видимо, в январе мама пришла с работы и сообщение сделала: в Новосибирске рядом с оперным театром каждый день продают водку по 500 рублей поллитра. Пить ее никто не собирался, а вот достать в доме поиметь можно было. За каждую поллитру некоторые бронированные мужики полпуда пшеницы давали. Заманчивое дело заиграло - ведь если в картофельные деруны щепоть муки кинуть, вкуснятина получается. Одно загляденье.

Полторы тысячи у мамы было. На другой день она поговорила с тетей Настей Абиковой. У той тоже хорошие перспективы заиграли в голове. Состоялся разговор со мной и с Мишей Абиковым - дерзнуть махнуть в Новосибирск. До Барнаула пешком, конечно, а там 230 км на поезде «зайцами».

Сказано - сделано. Отправились мы в путь. У нас было только по полторалитровому бидончику для водки, а в бидончиках еда - вареная картошка. До Барнаула дорога до боли знакома. Поздно вечером на Новосибирск шел Ташкентский. Подсуетились мы, в один тамбур проникли, там нам дали по шее, и мы кубарем слетели на платформу. Но недаром поется: кто бьется, тот добьется. И мы с трудом закрепились в одном тамбуре.

В Новосибирске мы с Мишей - прямоком к оперному театру. Забыл только, то ли на машине, то ли на большой телеге - бочка. Из нее наливают в ведро водку, а из ведра поллитровой мерой - покупателем в разные посудины. Процесс покупки напитка прошел у нас быстро. Мы завязали крепко-накрепко крышки бидончиков и довольные двинулись на вокзал.

В Новосибирский вокзал без билета не пускали. Пробрались мы на перрон, облюбовали товарняк с углем. Вылезли мы в Барнауле чумазые от угольной пыли, смахнули чуток ее и на Павловск.

Морозное, чуть с ветерком утро. Замерзли мы в поезде основательно, вернее сказать, промерзли. Но лекарство от этого знали: надо идти и быстрее. Вставало солнце в полумгле. День обещал быть морозным, а тут еще ветерок. За городом он стал ощущаться острее и обжигал левую щеку, приходилось варежкой

прикрывать лицо. Смуглое солнце уже поднялось.

Стали надоедать переметы. На гладко отшлифованной санями дороге легкая поземка наносила переметы - где на протяжении каких-то 2-3 метров, где и 10-15. Этот тонкий слой нанесенного снега был тверд, иногда шли, не проваливаясь. Но вот только оттолкнувшись ногой, тонкий слой снега провалится, шмыгнешь ногой по гладкой дороге, и ритм шага изменится, и силы тратятся значительные.

Уже солнце стало снижаться. Шахи, это полпути до Павловска, были как на ладони. Мы, не сознавая, стали выбиваться из сил. Миша-то постарше меня был на год, покрепче, но начал скулить: «Давай отдохнем, давай присядем». Я напомнил ему о материнских наказах - на дорогу не ложиться, как бы тяжело ни было, сколько людей уже померзло. Никто за весь день нам не встретился, не обогнал. «Мы же ложиться не будем, только чуток посидим». Периодически это «посидим только» повторялось. Я стоял на своем, но тоже начал сдаваться. Сели. Миша, чувствуя, что меня все-таки уговорил, новую просьбу открыл: «Ну, давай вот так рукой голову подопрем и на локоть будем опираться».

И вот откуда ни возьмись подул в лицо какой-то горячий ветер. Я шел по просеке. Только то были не деревья, а грандиозные цветы, медунки. Они раскачивали своими ветвями, и такая благодать наступила. Вдали, где просека кончалась, было светло и манило к себе. Вдруг какой-то толчок. Я весь вздрогнул, открыл глаза, увидел белые заснеженные поля. Что это такое? Так было хорошо, тепло, и вдруг зима? Опять захотелось вернуться в теплые края, закрыть глаза. Но поступила откуда-то команда - не спи. Я повел глазами. Вдали были видны занесенные снегом крыши. Вот дорога, а это что такое? Кто лежит рядом со мной? Ба, да это же Миша Абиков. У меня руки скованы. Я еле-еле толкаю его. Миша молчит. До моего сознания доходит - ведь мы замерзаем. «Миша, ты что, ведь мы замерзаем!» Выпало из моего сознания, как мы поднялись. Помню только, что ноги и руки и все тело было сковано. Все еле шевелилось.

До Шахов было километра полтора. Дошагали еле-еле до дома колхозника. Под навесом стояло несколько лошадей, стояли распряжен-

ные сани. Как привидения открыли мы дверь, и на нас пахнуло настоящим теплом. Не в силах было что-либо рассказывать. Человека два-три посетителя дома колхозника, видимо, поняли, в чем дело. Посоветовали попить кипятка. Титан бурлил.

Ночью из Павловска пришла почта. Мужики нас разбудили, звенел колокольчик. Почту до Шахов везли на паре справных коней. А мужики повезут ее дальше в Барнаул. Мы стали просить, чтоб почтарь довез нас до Павловска. Наши просьбы ни к чему бы не привели, если мы не открыли тайну - в бидончиках у нас водка. И мы пообещали, как доедем до Павловска, распечатать посуду и налить по сто граммов (стопке) с каждого бидона. Наше предложение с удовлетворением было принято. Миша выбрал себе место получше - уткнулся в посылки и разные пакеты, а я примостился сзади саней у решетки.

Зазвенели колокольчики, светила полная луна, и наша оказия помчалась к Павловску. Ночью мороз усилился. Я сидел на самом юру. Основательно стал дрогнуть. Но одна только мысль - мы приближаемся к концу нашего путешествия - заставляла терпеть и бодриться.

Напротив того места, где сейчас комплекс Прутского совхоза, если смотреть на юг, по луной вдаль вдруг засверкали огоньки. Огоньки то гасли, то вновь загорались. Никакой дровни там никогда не было. На мой вопрос «Что это вдаль?» - возница сказал спокойно «Это стая волков». Когда поворачивают морд в нашу сторону, глаза светятся, как отвернут ся - они тухнут.

А кони, похрапывая, быстрой рысцой несли нас к заветному Павловску. Стало светать. Кони остановились у ворот одного дома на Барнаульской дороге. Еле гнбая ноги, зашли мы в дом. Мать почтаря заохала: «Ой, как же вы замерзли!». Распечатали мы свою поклажу, налили ровно две стопки. Полторы стопки выпил почтарь (Дмитриев), половинку дал матери, а та, выпив: «Ой, ребята, да вы сами-то хоть по полстопки выпейте, согреетесь, это полезно». Выпили мы водку с Мишей впервые в жизни. Мне она не понравилась, была очень холодная, да и вообще горькая.

Вот так закончилось наше путешествие. Редкий раз, проезжая по той небольшой платформе перед низиной под Шахами, я не вспоминаю того момента...



О старшем друге

О заслуженном художнике России, нашем земляке писали самые известные искусствоведы края. Как любителя-краеведа меня заинтересовали те моменты жизни художника, которые относятся к Павловску, его землякам. И я поехал к человеку, который тоже художник и тоже учился в Бродковской средней школе (на один класс позже Геннадия Федоровича). Повстречался с Георгием Прохоровичем МУСИХИНЫМ. Вот что он рассказал:

«Наши дома находились на Забегаловке, недалеко друг от друга. Кстати, Гена много рисовал родительский дом, и один вариант приобрела Третьяковская галерея. А это уровень...

Реально мы познакомились в 1938 году, играя на озерке. Мы, можно сказать, в деле познакомились. Рисовали, готовили пособия для уроков. Гене помогал отец-фотограф. А дед у Гены писал иконы. Так что генетическая предрасположенность к живописи у него имелаась.

Помню хорошо его мать, звали ее тетя Мариша. Красивая женщина, в церковном хоре пела. Может, от матери у моего друга и религиозность, и вера.

Закончив школу, Гена поехал в Москву к отцу-фронтовику. Поступил в театральное училище на оформительское отделение. Годом позже, по протекции (с помощью, точнее) павловского художника Г.Т. Ключева, я поступил в Самаркандское художественное училище.

Летом на каникулах мы, молодые художники, на велосипедах выезжали на пленэры (природу), рисовали, общались. И Гена как старший друг всегда помогал мне, указывал на недочеты. Природу он обожествлял, считал, что она учит всему!

Интересно, что мы могли встречаться в Ташкенте. По завершении учебы в театральном училище Гена направили в Ташкентский драматический театр художником-оформителем. А наше Самаркандское училище перевели в Ташкент... Гена

уже тогда почувствовал в себе силу таланта и продолжал учебу. Учился он в трех заведениях, закончил учебу уже в знаменитом институте живописи имени Репина в Ленинграде. А я после Ташкента стал преподавать в родной школе.

Встречались в летние месяцы. Гена, конечно, «ушел» в живопись дальше и выше меня, но все, что я у него спрашивал, он охотно пояснял.

Гена всерьез возмечтал писать тружеников полей, и дипломная работа у него была на эту тему. Он на моих глазах начинал становиться мастером. И я это видел. Видел, как он берет отцовский фотоаппарат. С ним мы едем в колхоз. Идет уборка зерновых. Гена фотографирует: поле, машину, комбайнеров. Потом эти «заготовки» помогут ему в написании картин. Как-то я попросил Гена запечатлеть нас - меня и мою будущую жену Нину Фоминичну Кулик - стоящими наверху комбайна.

Уже много позже, когда у Геннадия Федоровича была своя мастерская в

Барнауле и он стал членом Союза художников, приезжая на своем Запорожце (а потом - вездеходе ГАЗ-67) в Павловск, он обязательно заходил в Дом культуры, поднимался на второй этаж в художественную мастерскую, которой я тогда руководил, и осматривал наши работы: мои, Миши Рождественского, супругов Астраханцевых, других художников. И наметанным взглядом определял сильные и не совсем удачные стороны картин. Особое значение придавал композиции, колориту, гармонии. Разъяснял, как надо поправить. Мастер!

А иногда мы, «старшие» художники Павловска я, Л.С. Рыбальченко, Г.Т. Ключев, усаживались в отдельной комнатке, ставили чай, и Геннадий Федорович начинал «поучительный разговор» про искусство, его назначение, про дела в Алтайском отделении Союза художников СССР, про работы ведущих мастеров живописи края, страны.

Г.Ф. Борунов - дотошный, обстоятельный был. Я уже работал рестав-

ратором в краеведческом музее, он, живя в Барнауле, часто навещал меня. Не просто так, нет... Когда подступал к мощнейшей своей картине «Механикус Ползунов», то проштудировал много материалов о том времени, о самом гении. Потом, в музее, где я модель машины Ползунова сделал действующей, мы долго беседовали.

В другой раз, перед написанием полотна о трактористах, он опять в музей идет, где за музеем стоял старенький тракторишко ХТЗ. Фотографирует его, осматривает, что-то спрашивает. Потом в мастерской разложит фотографии, задумается, начнет пробовать рисовать. Отвергнет одни варианты, придет, наконец, к единому, по его мнению, верному.

Никогда не забуду моменты, когда мой старший друг забрал мою работу «Портрет баяниста Чегирева» на выставку в Барнаул. Это для меня, художника, определенная оценка...»

А. СИРОТИН, с. Павловск
(Подготовила Елена БАЕВА)